

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

В.В. ЛУНЕЕВ

Права человека и преступность в глобализирующемся мире

Права человека и преступность

Эффективность реальной защиты прав и свобод граждан государством в криминальной сфере крайне низка и весьма эфемерна. Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, нарушения законности со стороны правоохранительных органов. Во-вторых, во время предварительного следствия и суда обвиняемый или подсудимый – это как бы "слабая" сторона, "жертва" перед сильной системой уголовной юстиции, а в нашей стране общественное мнение очень часто, если не всегда, оказывается на стороне "слабого". Страдания потерпевшего от преступления в это время почему-то забываются. В значительно большей мере у нас проявляется озабоченность нарушением часто малозначительных прав подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, права которых постоянно расширяются, а права правоохранительных органов сужаются.

В России, да и в других странах мира преступные проявления, как правило, не включаются в статистику нарушений прав и свобод человека. Жертвы самых опасных преступлений (терроризм, убийства, бандитизм, торговля людьми и т.д.) не попадают в сферу внимания правозащитников. А вот если будут допущены те или иные нарушения в отношении субъектов этих преступлений, то страна может попасть в черный список государств-нарушителей прав человека. Например, если при задержании террориста ему не полностью были разъяснены его права или он был допрошен в отсутствие защитника – это уже грубое нарушение прав подозреваемого, и его признательные показания в этом случае не имеют доказательного значения. В результате происходит явный перекося: нарушение прав обвиняемого в преступлении может быть использовано в ущерб системной и объективной оценке обстоятельств преступления, направленной на установление истины по делу.

Объяснение такого перекося лежит не в сущностной плоскости, а в формальной. В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г. с последующими поправками и протоколами), которая была принята почти два года спустя после Всеобщей декларации прав человека ООН, говорится, что правительства, подписавшие Конвенцию, обеспечивают каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, определенные права и свободы. Посягательство на большинство этих прав и свобод при определенных условиях может квалифицироваться как преступление или

административное правонарушение. Тогда почему же не все преступления, попирающие права и свободы, значатся в числе учтенных нарушений прав и свобод человека?

Первое предположение. Значительное число преступлений против личности и ее конституционных прав и свобод совершается "свободными" частными лицами, а нарушения прав и свобод предполагает их поправление представителями государства. Но это объяснение выглядит не очень корректно. В числе таких преступников немало государственных служащих, например коррупционеров различных мастей, хотя коррупция – "взаимовыгодная сделка". Например, право на образование, реализуемое путем взяточничества: взяткодатель получает свое, а взятокополучатель – свое. Но по сути право на образование нарушается как для поступившего в вуз за взятку, так и для не поступившего абитуриента, на место которого незаконно приняли взяткодателя.

Второе предположение. Преступление или иное правонарушение может считаться нарушением прав и свобод человека, если оно "санкционировано" государством. Например, нарушение права на жизнь путем применения смертной казни к осужденному, которая в стране не отменена и ее применение не приостановлено. Но абсолютное число нарушений прав и свобод совершается вопреки конституционным и другим правовым установлениям, и за эти нарушения предусмотрена та или иная ответственность. Тем не менее традиционные нарушения прав и свобод человека, как они выборочно понимаются международными правозащитными организациями, предъявляются в виде прямых обвинений государству. А массовая преступность против личности и ее конституционных прав расценивается как нежелательная стихийная реальность в том или ином государстве или в мире в целом.

А если к проблеме прав и свобод человека подойти не формально и политически выборочно, а по существу (для пострадавшего малозначимо, кто у него отнял собственность или жизнь близкого человека – террорист от религии или от власти), то многие международные оценки по соблюдению прав человека в тех или иных странах выглядели бы совсем по-иному.

Юридическая и фактическая неопределенность в этом вопросе и наличие двойных стандартов позволяют использовать права и свободы человека в международных политических целях, тогда как необходима объективная и дифференцированная оценка соблюдения прав и свобод человека в каждой стране и в мире в целом. Если, например, сравнить число нарушений прав человека и преступлений в СССР в относительно либеральные брежневские годы с преступностью и нарушениями прав в США, то сравнение было бы далеко не в пользу США. В СССР регистрировалось в те годы около 1,5 млн преступлений (500–600 преступлений в расчете на 100 тыс. населения), а в США – 12–14 млн (5–6 тыс. преступлений на 100 тыс. населения), причем в СССР учитывались все виды преступлений (более 200), а в США только 7–8 так называемых "серьезных" деяний.

Права человека и безопасность

В России и в некоторых других странах в настоящее время никто не чувствует себя в безопасности. Проблема эта становится мировой. Тем не менее гармоничного соотношения прав человека и его безопасности, свободы человека и его безопасности современная цивилизация до конца не выработала. История этого соотношения уходит в века. Человечество слишком долго и трудно двигалось к желанной свободе под лозунгом "свобода или смерть", чтобы, оказавшись в ловушке современных императивов, легко отказаться от нее или снизить уровень своих "свободных" предпочтений.

Один из авторов Декларации независимости и Конституции США Б. Франклин писал, что пожертвовавший свободой ради безопасности не заслуживает ни свободы, ни безопасности. Эти бескомпромиссные слова были сказаны почти 300 лет тому назад в годы становления дикого капитализма и образования первой в мире страны мигрантов, любой ценой искавших золото и свободу.

На землю США (если не считать войны за независимость) никогда не ступала нога вражеского солдата, тогда как американские солдаты оставили свои следы на всех континентах. Ныне это самое сильное, самое вооруженное и самое защищенное государство в мире, претендующее на роль единственной мировой сверхдержавы и гегемона нового типа. "Гегемония стара как мир. Однако американское мировое превосходство отличается стремительностью своего становления, своими глобальными масштабами и способами осуществлений", – пишет З. Бжезинский [Бжезинский, 2000, с. 13]. Но несмотря на все эти превосходства, необходимой защищенности граждан от преступности, в том числе и террористической, в США никогда не было со времен их образования. Эта страна всегда была и остается одной из самых криминальных [Crime... 2001; Кларк, 2002]. Со времен Франклина преступность там возросла в сотни раз. И это – своеобразная плата за соответствующий уровень свободы.

Общеизвестно, что свобода – непреходящая социальная ценность. Тем не менее ее не следует оценивать однозначно в различных условиях жизни и деятельности людей: в зависимости от характера условий она может служить и добру, и злу. Например, давно установлено, что чем шире свобода, тем выше уровень преступности, и наоборот. Подобную закономерность можно наблюдать в США, Канаде, в странах Западной Европы, где наряду с высоким уровнем демократических свобод существует один из самых высоких уровней преступности (в среднем от 6 до 8 тыс. учтенных преступлений на 100 тыс. жителей)¹. А в социально защищенной Швеции этот коэффициент много лет держится на уровне 12 тыс. преступлений на 100 тыс. населения. Среди развитых демократических стран исключение в криминологическом отношении составляет Япония, где преступность исторически ниже европейской в 4–6 раз [Лунеев, 1997]. Эта страна сумела войти в западную демократию и сохранить традиционные устои, внутри своей социальной группы каждый японец придерживается определенного кодекса поведения. Кроме того, рост преступности здесь сдерживают и другие факторы – этническая однородность, процветающая экономика, запрет на свободную продажу огнестрельного оружия, эффективная полицейская структура и т.д. Однако происходящее в последние годы размывание многовековых традиций ведет к росту преступности.

Между тенденциями социально-экономического развития и динамикой преступности, к сожалению, нет скорых, жестких и прямых корреляций. Научно-технический прогресс, социально-экономическое и нравственно-правовое развитие общества имеют разные скорости и сложную корреляцию. Более того, с развитием общества социальные, экономические, политические и психологические противоречия криминогенного характера, к сожалению, не уменьшаются, а даже возрастают. Поэтому самый высокий реальный и особенно учитываемый общий уровень преступности, как это ни парадоксально, существует в самых богатых, экономически, социально и демократически развитых странах.

Одна из самых устойчивых и относительно сильных отрицательных связей наблюдается между уровнем социально-правового контроля в обществе и государстве и состоянием преступности. Причем контроль по своему содержанию может быть разный (политический, социальный, производственный, религиозный, семейный и т.д.). Американский криминолог Ф. Адлер в книге о нациях без преступности на основе данных ООН Первого обзора преступности в мире (1970–1975 гг.) отобрала 10 стран с относительно низким уровнем преступности – Швейцарию и Ирландию, Болгарию и ГДР, Коста-Рику и Перу, Алжир и Саудовскую Аравию, Японию и Непал. Эти страны по своей причинно-криминологической характеристике были самыми разными. Объеди-

¹ Сопоставление уровней преступности даже по такому объективному показателю, как коэффициент преступности, – дело не простое, так как в каждой стране свое уголовное законодательство, свой учет, своя полицейская и судебная практика и т.д. Тем не менее число преступлений, рассчитанное на 100 тыс. населения, более или менее объективно свидетельствует об уровне криминализации той или иной страны и особенно о тенденциях преступности.

няло их только одно: хотя и разный, но сильный социально-правовой контроль, действующий не только в пределах уголовно-правовой системы [Adler, 1983].

Эффективность социально-правового контроля в удержании преступности на относительно низком уровне подтверждается всюду. Однако его повышение (даже на основе законов, принятых демократическим путем) непременно ведет к определенному ущемлению свобод и прав человека. При этом необходимо сознавать, что контроль – не панацея от криминальности. Он должен органично встраиваться в более широкую систему правовых, организационных, социальных и экономических мер. Более того, при серьезном доминировании он может превратиться в свою противоположность: стать криминогенным, сковывать правомерную инициативу граждан, развитие рыночных отношений и т.д. Но там, где контроль построен на научно обоснованных и разумных законах, он оказывает заметное противодействие разгулу преступности [Предупреждение... 2002].

Тоталитаризм разных мастей (фашистский, коммунистический, религиозно-фундаменталистский и др.) чрезвычайной жестокостью и государственным насилием действительно может удержать традиционную уголовную преступность на социально терпимом уровне, но он криминален по своей сути, и формы его борьбы с преступностью опаснее самой преступности. И поэтому он не может быть приемлем. В то же время либеральная демократия, являясь магистральным направлением политического и гуманистического развития человечества, отвергающая дискреционные злоупотребления властей против своего народа и нарушения его неотъемлемых прав и свобод, все менее справляется с интенсивно растущей организованной, террористической, коррупционной и общей преступностью, действующей без правил и признающей только грубую силу.

За три столетия, прошедших после высказывания Франклина, криминальная цена безопасности постоянно возрастала. Ежегодно в мире регистрируется до 450–500 млн преступлений на 6 млрд населения, или около 8 тыс. деяний на 100 тыс. жителей. Реальная преступность по меньшей мере вдвое выше. В некоторых мегаполисах благополучной Европы (например, в Берлине) регистрируется до 16 тыс. преступлений на 100 тыс. жителей. Согласно данным МВД Великобритании, в 2000 г. было совершено 12,9 млн преступлений на 60 млн населения.

Из доклада Генерального прокурора Ватикана Н. Пикардии о преступности следует, что это самое маленькое государство в мире имеет самую высокую преступность; она в 20 раз выше, чем в Италии (6,6 тыс. на 100 тыс. населения). Преступников не сдерживает ни присутствие Святого Престола, ни сам Папа, ни богослужения, ни библейские заповеди "не укради", "не убий" и т.д.

Транснациональная и национальная преступность становится *главной угрозой современности*. Организованное противодействие ей в последнее время в связи с интенсивностью терроризма как одной из форм особо тяжелой преступности даже названо "третьей мировой войной". В то же время превентивное вооруженное нападение на ту или иную страну с целью предотвращения террористической угрозы приближает подобную форму насильственной "профилактики" к государственному терроризму, а саму преступность и ее террористическую составляющую – к войне. И в том и в другом случае вне правовых условий главенствуют ставка на силу как на решающий аргумент, нанесение упреждающего удара, реальное использование вооруженного насилия, включающее массовые убийства невинных людей.

Преступность в традиционном понимании продолжает, как и прежде, расти быстрее, чем численность населения, мгновенно заполняя неконтролируемые или слабо контролируемые правовые ниши. По данным ООН, преступность в мире в среднем прирастает на 5% в год при приросте населения в 1–1,2%. Увеличиваются ее общественная опасность и причиняемый ею вред. Преступность все больше организуется, вооружается, коррумпируется, глобализируется и интеллектуализируется, оперативно используя все достижения науки и техники.

Перечисленные особенности криминальной деятельности в полной мере характерны для российской преступности. Поэтому реформирование в любой сфере жизнедеятельности (политической, социальной, экономической, организационной и даже правовой) связано с преодолением или хотя бы минимизацией растущего криминала.

Исторически в соотношении прав человека, свободы и безопасности происходила странная метаморфоза. Преступность всегда была одним из социальных явлений, посягающих на жизнь и права человека. Но если судить по имеющейся статистике XI–XIX вв., то в те времена она не была столь массовой, опасной и изощренной. Например, в Англии и Уэльсе показатели преступности за сто с лишним лет (с 1876 по 1992 г.) возросли в 65 раз [Digest... 1993]. Основные права и свободы человека в прошлые века попирались властями и даже церковью, особенно католической. Государственные режимы в основном были авторитарными и тоталитарными. Эти режимы, криминальные по своей сути и методам управления обществом, характеризуются широко распространенными злоупотреблениями и репрессиями со стороны властей против своего народа. Но эти злоупотребления по действующему законодательству преступлениями не признавались. Наоборот, преступниками считались фактически потерпевшие от действий властей.

Экономическое, социальное и политическое развитие человеческого сообщества в процессе перехода от тоталитаризма к демократическим устоям в XX столетии, особенно после Второй мировой войны, постепенно преодолевало злоупотребления властей против своего народа. Именно в эти годы Генеральная Ассамблея ООН провозглашает Всеобщую декларацию прав человека (10 декабря 1948 г.) и принимает Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (4 ноября 1950 г.) и другие международные документы.

Главными идеями этих документов были гуманизация и демократизация действий властей. В них нет ни одного упоминания об охране прав и свобод от традиционной преступности. Особо показательна в Европейской конвенции ст. 5 "Право на свободу и безопасность", где говорится: "Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы... иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом". А далее дается перечень условий законного содержания лица под стражей, его законный арест или задержание, содержание несовершеннолетнего на основе законного постановления и т.д. Потом говорится о незамедлительном сообщении арестованному на понятном ему языке причины ареста и его обвинения, о незамедлительной доставке его к судье, о праве арестованного на компенсацию, если арест был произведен в нарушение условий данной статьи и т.п. Аналогичным образом построены все другие международные документы по правам и свободам человека. Они имеют исключительное значение для государств, как подписавших, так и не подписавших их. Последние обоснованно рассматриваются как нарушители прав и свобод человека, и к ним возможно применение тех или иных международных и межгосударственных санкций.

Соблюдение прав и свобод человека со стороны самих государств более или менее четко обрисовано в международных документах и относительно жестко контролируется международным сообществом. Гуманистические и либеральные ценности в мире в основном восприняты. Но возникает другая проблема. Либеральная демократия, как уже говорилось, отвергая дискреционные злоупотребления властей против своего народа и нарушение его неотъемлемых прав, все менее справляется с интенсивно растущей организованной, террористической, коррупционной и общей преступностью.

Особенно беспомощным оказался в борьбе с преступностью российский либерализм, отвергающий эффективный социально-правовой контроль гражданского общества и государства, идеи самобытного сильного правового государства, дееспособную государственную власть, гармонию прав и обязанностей граждан. Так, в "Манифесте российского либерализма" Б. Березовского и его сподвижников, где основным рефреном звучит "не мешайте нам", нет даже упоминания о праве, без которого современное цивилизованное общество не может сделать ни шагу (Независимая газета. 2002,

11 апреля). Для того чтобы в этом убедиться, достаточно проследить интенсивную законодательскую и нормотворческую деятельность Европейского союза и его отдельных стран, где все сколько-нибудь социально значимые действия регулируются законами и подзаконными актами, принятыми демократическим путем. В рамках действующего законодательства с серьезными санкциями для нарушителей и существует свобода по-европейски. При либерализме без права, близком к либерализму дикой природы, каждое существо "абсолютно" свободно, но только до тех пор, пока другое более сильное и тоже "абсолютно" свободное существо не проглотит его.

Сторонники такого либерализма не утруждают себя необходимостью объективно-го изучения социально-правового контроля в демократических государствах, без которого невозможны ни демократия, ни рыночная экономика, ни правовое государство. Они не озабочены как массовой преступностью в стране, так и миллионами ее незащитных жертв. При таком подходе общество попадает в *криминальный капкан*, реальным выходом из которого является *ювелирная гармонизация эффективности борьбы с интенсивно растущей преступностью и строжайшее соблюдение фундаментальных прав человека*. Односторонние подходы ведут в тупик. Их нетрудно видеть в России сегодня и прогнозировать в обозримом будущем.

Свобода – не вольница. Она не может существовать без необходимых ограничений и самоограничений. Ныне, пожалуй, более адекватны времени слова русского юриста В. Жуковского: "свобода и порядок – одно и то же".

Вопрос о соотношении свободы и безопасности возник, как нетрудно видеть, не сегодня. Ограничительное толкование прав человека в интересах безопасности в той или иной мере существовало всегда. В действующей Конституции Канады, например, говорится, что права и свободы подлежат только разумным ограничениям, установленным законом, которые могут быть оправданы в свободном и демократическом обществе. Но уровень разумности подвижен в зависимости от развивающихся опасностей.

В 1994 г. Президент США Б. Клинтон подписал Закон "О контроле над насильственной преступностью", серьезно ужесточивший борьбу с ней, запретивший продажу и хранение 19 видов наступательного оружия, распространивший смертную казнь на 50 составов федеральных преступлений, особенно если они совершены фанатиками-террористами, патологически агрессивными людьми и сексуальными маньяками, ситуативными корыстно-агрессивными людьми, профессиональными и организованными преступниками. На реализацию этого закона было выделено 30,2 млрд долл. Этот закон в совокупности с другими мерами дал положительные результаты. За время президентства Клинтона преступность в США снизилась на 28%, а следовательно, за эти годы повысилась безопасность американских граждан.

У нынешнего Президента США другие предпочтения. После беспрецедентных террористических актов в сентябре 2001 г. в США принят ряд законов в интересах безопасности граждан при существенном ограничении свободы [Новые... 2003], и введение ограничений продолжается. С 5 января 2004 г., например, все граждане иностранных государств, желающие побывать в США, должны сдавать отпечатки пальцев трижды: при получении визы, при пересечении границы, при выезде из США. Министерство национальной безопасности сообщило: "США остаются гостеприимной страной, и речь идет лишь о законных мерах по повышению национальной безопасности" (Российская газета. 2003, 30 октября).

Жесткий многоаспектный социально-правовой контроль, связанный с ущемлением прав и свобод в целях безопасности, есть во многих странах, в том числе и в самых респектабельных. Однако стопроцентной защиты от многих преступлений, особенно террористического характера, не существует, но цели ставятся именно такие. Контроль ведется не столько за конкретным поведением отдельных лиц, сколько за национальными и транснациональными криминологически значимыми процессами, и не только в своей стране, но и в других странах, связанных с США. Но как оказалось, этого было недостаточно. После сентябрьских событий 2001 г. этот контроль еще более расширился, углубился и ужесточился.

Американский криминолог и социолог Дж. Беннетт еще в конце 1980-х гг. ключевым моментом в контроле над преступностью считала информацию. По ее мнению, компьютер, "предоставляя обществу и частным агентствам способность быть в курсе наших дел, станет средством, сдерживающим нас... Мы предстанем обнаженными перед электронным тираном, имея для своей защиты закон о свободе информации. Компьютеры – лишь часть общего наступления на гражданские свободы, которое заряжается и страхом перед преступностью, и страхом морального разложения. В обмен на моральное возрождение многочисленные слои населения готовы будут пожертвовать важными разделами Билля о правах" [Bennett, 1989, р. XIII].

В этом прогнозе Беннетт мало утешительного, но он оказался пророческим. Именно на таком пути предполагается выход демократического и прагматического общества из криминального капкана: растущая преступность предопределяет расширение и углубление социально-правового, криминологического и уголовно-правового контроля над ней с параллельной разработкой четких законодательных гарантий по соблюдению фундаментальных прав человека. Правда, разработка последнего аспекта пока существенно отстает. Примером могут служить те не совсем правовые меры, которые введены в США в последнее время. Аналогичные процессы идут и в других странах, в том числе и в России. Главное – не перегнуть палку, а такие перегибы уже есть и не только в нашей стране.

Глобализация, преступность и права человека

Глобализация становится одной из важнейших проблем современности, выражающей главное направление развития мира и основное противоречие XXI в. Если осевой проблемой второй половины XX в. было противостояние двух мировых систем, то сейчас ею становится взаимодействие цивилизаций четвертого поколения на фоне ускоряющихся процессов глобализации. Они серьезно затрагивают жизнь и права каждого человека, жизнь каждой страны и мира в целом, поскольку несут не столько позитивные изменения, сколько негативные и даже трагичные последствия, пути минимизации которых пока недостаточно разрабатываются. Особую опасность представляют криминогенные и криминологически значимые факторы глобализации, которые органически связаны с нарушениями фундаментальных прав человека.

Некоторые политические деятели нашей страны, не утруждая себя критическим анализом глобализации, полагают, что поскольку она закономерна и неизбежна, ее надо принимать такой, какой она формируется. Главное, считают они, надо вовремя в нее встроиться, чтобы не оказаться за бортом мирового развития.

Рыночная экономика в России после дискредитации плановой социалистической системы также была закономерно необходимой, но ее практическая реализация повлекла экономические, политические, правовые, психологические, нравственные и физические потери. Страна была разрушена и отброшена на многие десятилетия назад, оказавшись в условиях вечно "догоняющего", а точнее, "отстающего" развития.

Таким образом, глобализация хотя и закономерна, но как любой социальный процесс имеет различные составляющие, которые формируются не совсем стихийно. Социальные закономерности всегда многовариантны, а выбор вариантов существенно зависит от аналитических, прогностических и управленческих способностей руководства страны, ее правящих политической, экономической и научной элит.

Интересы стран и народов в условиях убывающих жизненных мировых и национальных ресурсов разные, как правило, противоречивые и нередко антагонистические, хотя есть и общие. Глобализация с самого начала используется США и особо заинтересованными в ней иными странами "золотого миллиарда" и их транснациональными компаниями, исходя только из своих интересов, реализация которых несет для других стран высокую криминогенность, попрание суверенитета и прав граждан [Хомский, 2002; Стиглиц, 2003]. Возможности глобализации успешно используют организованная преступность и организованный терроризм. Транснациональный характер

этих наиболее опасных видов преступной деятельности – прямое порождение глобализационных процессов.

Оценке возможных последствий глобализации посвящено множество исследований. Только в нашей стране за последние годы вышло более десятка отечественных и зарубежных книг, в которых анализируются различные аспекты глобализации, представляющие серьезную угрозу мировым и национальным интересам. В частности, криминогенность глобализации намного превышает ее антикриминогенные возможности. И это положение – исходное при ее комплексной криминологической оценке. Можно говорить о ее существенном и специфическом влиянии на многие криминологически значимые аспекты, а также и на нарушение фундаментальных прав и свобод человека.

Первая криминологически значимая проблема – проблема занятости и связанных с ней уровень жизни. Глобалисты-прагматики оценивают ее с помощью пары цифр 20 : 80 и концепции *типпитейнмент* (развлечение с соской). При глобализации мира, которая в состоянии будет использовать все достижения научно-технического прогресса, в XXI в. достаточно 20% образованного населения, работающего на современном оборудовании. А остальные 80% останутся лишними, без работы и средств существования. У них возникнут колоссальные проблемы криминогенного характера. Они должны будут довольствоваться лишь *типпитейнментом* (термин Бжезинского). К началу XXI столетия существующая пропасть между бедностью и богатством неимоверно расширилась. И глобализация интенсифицирует этот процесс. В этом направлении движется и Россия, где растет пропасть между бедностью и богатством. Это огромная криминологическая проблема для нашей страны и мира в целом.

Вторая криминологически значимая проблема – проблема рынков финансовых спекуляций в глобализирующемся мире. Более 80% финансового капитала ныне находится в свободном плавании и не имеет реального материального наполнения. Это рынок, где деньги делают деньги, то есть рынок игроков в рулетку. Финансовые рынки глобализированы. Благодаря компьютерным технологиям финансовый рынок, львиная доля которого – рынок финансовых спекуляций, железным обручем стянул все страны вокруг крупнейших финансовых магнатов стран "золотого миллиарда". Это позволяет им в зависимости от своих интересов ставить те или иные страны на грань финансового краха (Российская газета. 2003, 3 ноября).

К такому выводу приходят не только российские авторы, но и известный предприниматель, филантроп и финансовый спекулянт Дж. Сорос [Сорос, 1999]. Финансовые потрясения в условиях глобализации провоцируют экономические, социальные и политические кризисы, а последние детерминируют новые серьезные ухудшения криминологической обстановки и соблюдения прав и свобод в мире и в отдельных странах.

Третья криминологически значимая проблема – существенное снижение возможностей национальных правительств в управлении обществом, в предупреждении преступности и борьбе с ней. В конце 2000 г. Всемирный банк издал 22-й анализ (На пороге XXI века. Доклад о мировом развитии 1999/2000 года). Главные проблемы этого доклада – глобализация и локализация, которые составляют на сегодняшний день для мирового сообщества два противоречивых мировых вызова.

Глобализация диктует, чтобы национальные правительства стремились к заключению соглашений с другими национальными правительствами, международными организациями (МВФ, ЕС, ВТО, ОПЕК и пр.), в том числе военными (НАТО), неправительственными организациями и многонациональными мероприятиями, роль которых чрезвычайно усиливается. Они принимают на себя функции международных субъектов, попирают самостоятельность суверенных государств и диктуют им (вопреки ООН) свою волю.

Локализация требует, чтобы национальные правительства договаривались ("делились") с регионами и городами по вопросам разделения ответственности через субнациональные институты. И здесь идет уже децентрализация оставшейся власти, а часто и распад стран, который наднациональными военными и экономическими образова-

ниями может быть сочтен выгодным и ими поддержанным (пример – Чечня). Ожидается, что на Земле может образоваться до 500 государств. Тогда в глобальном масштабе свершится давний принцип правителей: разделяй и властвуй.

Глобализация и локализация – два противоречивых требования, которые по правилам двойных стандартов сильными мира сего и зависимыми от них наднациональными образованиями могут толковаться, исходя из их собственных интересов. Таким образом, они несут в себе условия для разрастания преступности, в том числе транснациональной, организованной и террористической. Правда, глобальный терроризм, от которого и сильные мира сего не имеют средств защиты, заставляет уже сейчас объединяться для борьбы с общим врагом. Но этот общий враг составляет не более десятой доли процента в структуре растущей, вездесущей и всепроникающей преступности, до которой управителям глобализации мало дела. Глобальная конкуренция не позволит транснациональным компаниям уделять много внимания социальным и тем более криминологическим проблемам в ущерб прибыльности операций [Сорос, 2001, с. 271].

Совет национальной безопасности европейского сообщества полагает, что глобализация бросает вызов управленческим возможностям национальных правительств по потокам информации, технологий, распространению массовых болезней, мигрантов, оружия, финансовых сделок, законно и незаконно пересекающих границы. Далеко не все правительства способны справиться с такими реалиями глобализации. Государства с бедным управлением, слабой экономикой и "прозрачными" границами становятся нерестилищами для криминала и зоной безопасности для транснациональных сетей организованной преступности [Organiset... 2000, p. 10]. Важное условие распространения терроризма и организованной преступности – расширение и углубление всех форм коммуникаций, особенно в глобализованном киберпространстве, где очень мало возможностей для контроля за организованной преступностью.

Перечень криминологических проблем, вытекающих из глобализации, можно было бы продолжить. Процессы глобализации все более обнажают тенденцию к хаотизации цивилизованной жизни. Цивилизации утрачивают свою первозданную "чистоту", они проникают друг в друга, создавая "смесь" различных культур, разных исторических времен, разных этносов. Эта "смесь" не складывается сама собой в единую смысловую "картинку" и потому особо криминогенна [Скворцов, 2002, с. 63].

Наряду с этим идут процессы унификации деяний, организованности, вооруженности и интернационализации преступности – реальных признаков глобализации преступности и мира в целом. Растущий международный терроризм – составная часть глобализации организованной преступности, следствие и специфическое противодействие общей глобализации мира.

Процесс глобализации уже не устраним, но он должен идти эволюционно при параллельном научном и правовом обеспечении со стороны ООН, других полномочных международных организаций и всех стран мира. Ближайшее будущее человечества – свободное демократическое общество, но с надежным дифференцированным и жестким социально-правовым контролем за реальными и возможными криминальными процессами.

Права человека и преступность в современной России

Анализ соблюдения прав человека обычно осуществляется двояко: во-первых, путем изучения отражения основных прав и свобод человека в действующем законодательстве; во-вторых, проверкой реального выполнения законов о правах и свободах человека государственными учреждениями, частными предприятиями в различных сферах жизнедеятельности.

Сравнительный анализ законов различных отраслей права очень важен. Он позволяет системно увидеть все нормативные соответствия и отклонения. Применительно к аспекту прав человека и преступности – это УК, УПК, УИК и другие законы, регулирующие борьбу с преступностью. Все они регламентируют нарушения декларирован-

ных прав и свобод человека: задержание, арест, обыск, лишение свободы, применение смертной казни и т.д. Но эти "нарушения" законны. Они не противоречат международным актам и конституционным нормам о правах человека. И по ряду положений отечественные законы в гуманистическом плане находятся даже "впереди планеты всей". Правда, многие из них не согласуются с нашими реалиями и традициями, не обеспечиваются организационно и экономически, что приводит к их дискредитации и фактическим нарушениям прав человека. Я уже не говорю о прямых нарушениях законов.

Таким образом, анализируя нарушения прав и свобод в целом, мы должны помнить, что наряду с законодательными установлениями (назовем их условно "писаной" правовой реальностью), есть реальность "фактическая", то есть та, которая складывается в тех или иных условиях обыденной жизни на основе как добротного, так и ущербного законодательства. При этом ошибочно думать, что "фактическая" реальность адекватно отражает плюсы и минусы "писаной" реальности. Если бы это было так, то можно было бы изучать реальную жизнь по нормативным предписаниям. К сожалению, аналитическая работа некоторых правоведов и правозащитников часто не выходит за рамки "писаной" реальности, в том числе и в плане соблюдения прав и свобод человека.

Исследования, основанные на правовых источниках, важны и необходимы. Но анализ соблюдения прав человека, базирующийся только на нормативном материале, может быть значим лишь в законотворческих или иных сравнительных целях. Вместе с тем в реальной действительности правовые нормы о правах человека, преломляясь через множество объективных и субъективных условий, реализуются далеко не адекватно. Поэтому существуют "ножницы" между нашими правовыми, нередко демагогическими декларациями и реальностью.

Криминология, криминальная статистика и социология уголовного права изучают "фактическую" общественно опасную реальность, где попрание прав человека и гражданина особо массовое и особо тяжкое. Обращусь к конкретным фактам. В 2001 г. в России фактически было совершено около 12–15 млн преступлений, зарегистрировано около 3 млн, выявлено и привлечено к уголовной ответственности 1,6 млн человек, совершивших преступления. Абсолютное большинство этих лиц виновно. Но доля реально невиновных, а также лиц, вину которых не удалось доказать, в структуре преследуемых не так уж и мала. 1,2 млн человек признаны виновными. В итоге было осуждено около 1 млн виновных, в том числе к лишению свободы – около 370 тыс. А в структуре реальной экономической и коррупционной преступности число осужденных не превышает и сотых долей процента. *Безнаказанность особо кримиогенна.* Она приводит к новым и еще большим криминальным попрам прав человека.

Система уголовной юстиции в основном нацелена на бедные, социально незащищенные, слабо адаптированные, алкоголизированные, деградированные и маргинальные слои населения, совершающие традиционные уголовные деяния. При привлечении же к уголовной ответственности высокопоставленных преступников конституционные нормы серьезно попираются, но в пользу самих преступников, а у социально незащищенных субъектов они также нарушаются, но путем применения к ним методов противоправного воздействия в процессе оперативно-следственных мероприятий и отбывания наказания.

Следующий аспект криминологических проблем, связанных с соблюдением прав человека, касается *пострадавших от преступлений*. Известно, что не все преступления причиняют непосредственный вред конкретным гражданам. Поэтому от фактического совершения 12–15 млн преступлений в России непосредственно и ежегодно страдают около 10–12 млн добропорядочных людей. Права примерно 1–1,5 млн официально признанных потерпевшими хотя и плохо, но формально как-то соблюдаются, а 7–8 млн реально пострадавших от незарегистрированных преступлений не получают никакой правовой помощи и защиты от государства.

Неучтенная, или латентная, преступность имеет сложную структуру. В нее входят реально совершенные деяния, но не заявленные или не выявленные; заявленные, но не зарегистрированные; заявленные и зарегистрированные, но не раскрытые и не до-

казанные. Процессуальные права посягающих в последнем случае (при оправдании за недоказанностью) не были нарушены, но это не означает, что права потерпевших от таких деяний соблюдены. Даже тогда, когда реально пострадавший от преступления не заявил о совершенном деянии, его права нарушены не только самим преступником, но и правоохранительными органами, к которым он не пожелал обратиться за правовой помощью, не доверяя им, не веря в их реальную помощь [Горяинов, 2001; Горяинов, 2003].

Самое опасное нарушение прав человека – *попирание права на жизнь*. Россия только по зарегистрированным умышленным убийствам (23–24 убийства на 100 тыс. населения) занимает одно из первых мест в мире. В большинстве европейских стран этот показатель колеблется в пределах 5–10. В 2001 г. в России учтено 33 583 умышленных убийства и 55 739 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, от которых треть потерпевших обычно умирают. В том же году не было разыскано 34 199 человек, объявленных без вести пропавшими, и было заведено 36 817 дел по установлению личности граждан по неопознанным трупам. Опыт прошлых лет показывает, что абсолютное число лиц, без вести пропавших и не найденных, оказываются убитыми. Данный вывод коррелирует с числом неопознанных трупов.

Таким образом, к общему числу 33,6 тыс. зарегистрированных умышленных убийств следует добавить еще почти вдвое больше: около 18 тыс. погибших от причинения тяжкого вреда здоровью и около 35 тыс. без вести пропавших и неопознанных лиц. В отношении этих лиц не проводится даже и предварительного расследования, а их родные и близкие не получают никакой правовой и материальной помощи и компенсации.

Очень многие преступления, попирающие фундаментальные права человека, совершаются при попустительстве законодательной, исполнительной и судебной властей. В 1990-е гг., например, десятки (называются цифры от 30 до 60) миллионов человек, как правило, пожилого возраста, потеряли все свои сбережения в сберегательном и коммерческих банках, оставшись без средств к существованию. Абсолютное большинство виновных в связи с порочным законодательством и бездействием правоохранительных и судебных органов избежали ответственности.

Много лет коррупционеры и криминальные бизнесмены с помощью ими же пролоббированного закона о банкротстве и при содействии судов (часто продажных) систематически организовывали *криминальный передел собственности*, разорив сотни успешных производств и оставив без работы миллионы людей. Потребовалось почти десять лет, чтобы был принят более или менее приемлемый вариант закона о несостоятельности (банкротстве), в котором поставлены некоторые правовые барьеры, затрудняющие криминальный передел собственности. И опять за это никто не несет никакой ответственности. Страдают лишь рабочие этих предприятий.

И последнее. Все говорят о засилье терроризма, коррупции, организованной преступности и иного криминала в России, все требуют эффективного контроля правоохранительной системы за криминалом, но как только предпринимаются попытки установления вполне демократического и более эффективного контроля за той или иной сферой жизнедеятельности (который давно установлен в европейских странах), то сразу же начинается шумиха со стороны элитарных кругов и контролируемых ими СМИ о наступлении тоталитаризма. Под знаменем демократии, свободы и прав человека все чаще решаются узкопартийные и своекорыстные задачи.

Есть и еще одна сторона в проблеме "Преступность и права человека". Страх перед организованной преступностью и терроризмом, особенно после событий 2001–2002 гг. в США и России, толкает многие страны к так называемому "урезанию свободы" и расширению полицейского контроля. Этот вопрос не нов, но он должен найти рациональное законное и взвешенное решение.

В заключение напрашивается единственный вывод: мир вновь стоит перед проблемой решения важнейшей двуединой задачи – эффективности правоохранительной деятельности и ее гуманности, результативной работы органов правоохраны и строжай-

шего соблюдения фундаментальных прав человека, нового соотношения свободы и необходимости, свободы и безопасности, свободы и социально-правового контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бжезинский Ж.* Великая шахматная доска. М., 2000.
- Горяинов К.К. и др.* Улучшение взаимоотношений граждан и милиции. Оптимизация оценки деятельности. М., 2003.
- Горяинов К.К. и др.* Улучшение взаимоотношений граждан и милиции. Доступ к правосудию и система выявления регистрации и учета преступлений. М., 2001.
- Кларк Р.* Преступность в США. М., 2002.
- Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997.
- Новые законодательные и организационные инициативы США в борьбе с терроризмом // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. 2003. № 2.
- Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права. Сборник материалов конференций. М., 2002.
- Скворцов Л.В.* Россия: жизнь по истине или перманентная перестройка // Россия и современный мир. 2002. № 2 (35).
- Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 1999.
- Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001.
- Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.
- Хомский Н.* Прибыль на людях. М., 2002.
- Adler F.* Nations not Obsessed with Crime. Littleton (Colo.), 1983.
- Bennett G.* Crimtwaps. The Future of Crime in America. New York, 1989.
- Crime in the United States. Uniform Crime Reports. Washington, 2001.
- Digest 2. Information on the Criminal Justice System in England and Wales. Home Office Research and Statistics Department. 1993.
- Organised Crime Situation Report 2001. Council of Europe. Strasbourg, 2002.